

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Бемби» — пленительная книга. Она пленит не только детей, но и взрослых, наполнив чувством счастья особенно тех из них, кто давно не чувствовал себя счастливым. Я не знаю другой такой истории о животных, которая могла бы сравниться с этой по глубине наблюдений и внутренней правдивости. Феликс Зальтен — поэт. Он тонко улавливает проникновенный дух природы, и он любит животных. Обычно мне претит, когда неразумные твари в книгах говорят человеческим языком, но в этой удивительной книге за всем сказанным угадываются подлинные переживания героев, и именно это делает ее настоящим шедевром, прозрачным, многообразным и местами очень трогательным.

Я читал этот текст в корректуре по дороге из Парижа в Кале, намереваясь далее ехать через канал. Прочтя несколько корректурных листов, я тут же передавал их своей жене, которая по прочтении передавала их, в свою очередь, жене моего племянника, а та — уже племяннику. Вот так мы и сидели тихо вчетвером на протяжении трех часов, с головой погружившись в чтение. И тот, кто знает, каково это — знакомиться с книгой по корректуре, и к тому же представляет себе, что такое поездка через канал, тот понимает — лишь немногие книги могут пройти через подобное испытание. Особенно мне хотелось бы, чтобы с этой книгой познакомились охотники.

Джон Голсуорси

Джон Голсуорси написал это предисловие по случаю выхода в свет англо-американского издания.

Он появился на свет в укромном уголке лесной чащобы, надёжно скрытом от посторонних глаз деревьями, но достаточно просторном, чтобы там поместился он сам и его мама.

И вот теперь он стоял, качаясь, на своих тоненьких ножках, дрожал всем тельцем, смотрел невидящими глазами прямо перед собой и ничего не понимал.

— Какой чудесный ребёнок! — воскликнула сорока, устраиваясь на ветке. Она случайно пролетала мимо и, заметив только что родившегося малыша, не могла пропустить такого события. — Просто прелесть! Загляденье! — тараторила она без остановки, не обращая внимания на то, что ей никто не отвечает. — И надо же, такая кроха, а уже может стоять! Чудеса! В жизни такого не видела! Хотя я живу не так уж давно на свете, всего год как из гнезда, как вам, наверное, известно. Нет, но это поразительно... Не успел родиться и стоит на ножках как большой! Сразу чувствуется благородная порода. Я вообще считаю, что у вас, оленей, очень благородные повадки. Наверное, он у вас и ходить сразу научится?

— Конечно, — тихим голосом ответила мама. — Вы меня извините, пожалуйста, но я сейчас не могу вести долгих разговоров. Я немного занята и к тому же чувствую себя ещё не очень хорошо.

— А вы не обращайтесь на меня внимания, занимайтесь своими делами! Мне это нисколько не помешает! — затрещала сорока. — У меня и самой дел невпроворот. Но такое ведь не каждый день увидишь. Тем более что у нас, у птиц, совсем всё по-другому, скажу я вам, столько возни

с этими детьми. Вот вылупится из яйца и даже не пошевелится, лежит в гнезде беспомощный, а ты только знай ухаживай за ним. Вы даже не представляете себе, сколько с ними хлопот. И покормить надо, и всё время следить, чтобы чего не случилось. Причём одновременно. Ведь если что, они сами защититься не смогут. Согласитесь, что эта работёнка не из лёгких. А сколько времени приходится ждать, пока они наконец зашевелиятся, пока перьями обростут, пока станут хоть на что-то похожими... Одна сплошная канитель, верно?

— Простите, я отвлеклась и не слышала, что вы говорили, — сказала мама.

Сорока вспорхнула и полетела дальше. «Глупая какая! — подумала она про себя. — Хоть и благородная!»

Мать даже не заметила её исчезновения. Она продолжала старательно намыывать младенца, вылизывая его языком. Получалось и мытьё, и согревающий массаж, и ласка — всё за раз.

Малыша слегка пошатывало от этих процедур, но он старался держаться. На его взъерошенной рыжеватой шкурке виднелись неяркие белые пятнышки, а детская мордашка выглядела так, как будто он только что очнулся от глубокого сна.

Вокруг кустились пышные заросли орешника, кизила, дикой сливы и молодой бузины. Высокие клёны, буки, дубы смыкались в вышине в зелёный шатёр, накрывавший собою свежую лесную поросль, а внизу из тёмной почвы пробивались папоротник, вьюнки и шалфей. Среди них прятались, прижимаясь листьями к самой земле, уже почти отцветшие фиалки, и земляника, которая только-только зацвела. Раннее солнце проникало сквозь густую листву,

опутывая всё золотой паутиной. Лес был наполнен головами, радостно звучащими на разные лады. Заливалась иволга, беспрестанно ворковали горлицы, посвистывали дрозды, пускали трели зяблики, звонко перекликались синицы. По временам в эту весёлую разноголосицу вторгались шумная перепалка соек, громкая трескотня сорок, скрипучий клёкот фазанов. А то вдруг врывалась резкая дробь дятла или сверху раздавался пронзительный ястребиный клич. И надо всем разносилось во все стороны хриплое карканье ворон, круживших над верхушками деревьев.

Малыш не понимал ни единого звука из этих птичьих песен, ни единого слова из этих птичьих разговоров. Он даже ещё не улавливал ни единого лесного запаха. Он чувствовал только нежные касания материнского языка и вкусный запах материнского тела, от которого ему захотелось есть. Потыкавшись немного, он наконец нашёл живительный источник и припал к нему.

— Бемби, — прошептала мать.

Она вскинула голову, наострила уши и потянула воздух носом. Всё спокойно. Счастливая, она поцеловала сына.

— Бемби, мой маленький Бемби, — снова проговорила она.

Стояло раннее лето, и деревья тянулись к голубому небу, безмятежно подставив ветви солнцу. На кустах распустились цветы — белые, красные, жёлтые звездочки. А на некоторых уже даже начали вызревать ягоды, пока ещё мелкие, твёрдые, похожие на маленькие сжатые кулачки. На земле повсюду пестрели цветы, оживляя яркими

красками самые сумрачные уголки чащи. Пахло свежей листвой, влажной почвой, молодыми побегами. От восхода до заката весь лес был наполнен тысячью голосов, и с утра до вечера здесь, в этом благоухающем царстве, жужжали пчёлы и осы, гудели шмели. Так начиналось детство Бемби.

Он шёл по узкой тропинке, пролежавшей среди кустов, следом за мамой. Идти было очень приятно. Мягкие ветки ласково гладили его по бокам и расступались перед ним. Казалось, будто через эти заросли ни за что не пробраться, но всё равно потом находилась дорожка, и они спокойно продвигались вперёд. Таких дорожек по всему лесу тут было множество, и мать знала их все наперечёт. Если Бемби порой озадаченно останавливался перед какими-нибудь зелёными дебрями, вставшими у него на пути непроходимой стеной, то мать всегда безошибочно находила то место, где можно было легко пройти.

Всю дорогу Бемби сыпал вопросами. Он любил задавать маме вопросы. Ему нравилось спросить, а потом выслушать ответ, а потом снова спросить и снова выслушать ответ. Его несколько не удивляло то, сколько разных вопросов ему без остановки приходит на ум. Это казалось ему совершенно естественным, а ещё доставляло огромное удовольствие, особенно ждать ответа. И какой бы ответ он ни получал, он всегда был доволен. Правда, Бемби не всегда всё понимал, но и это было прекрасно, потому что тогда можно было при желании спрашивать дальше. Иногда ему не хотелось переспрашивать, и он просто обдумывал то, что не понял, про себя, и это было тоже прекрасно. Иногда же он чувствовал, что мама чего-то недоговаривает, не говорит ему всё,

что знает. Такие моменты особенно радовали его. Потому что это только разжигало его любопытство и оставляло ощущение чего-то волнующего и таинственного, что раскроется в скором времени, а пока же наполняло ожидание лёгкой тревогой, смешанной с восторгом, отчего он на некоторое время даже замолкал.

— А чья это тропинка, мама? — спросил он.

— Наша, — ответила мать.

— Твоя и моя? — уточнил Бемби.

— Да.

— Она принадлежит нам обоим?

— Да.

— Только нам?

— Нет, нам, оленям.

— А что это такое — олени? — спросил Бемби и рассмеялся.

Мать посмотрела на него и тоже рассмеялась.

— Ты — олень, и я олень. Вот кто такие олени. Понимаешь?

Бемби со смехом подпрыгнул на месте.

— Понимаю! Я — маленький олень, а ты — большой олень. Верно?

Мать кивнула.

— Ну вот и разобрались.

Бемби посерьёзnel.

— А есть ещё другие олени, кроме тебя и меня?

— Конечно. Много.

— А где же они?

— Здесь, повсюду.

— Но... Я не вижу их.

— Ещё увидишь.

— Когда? — Бемби даже остановился — так ему было любопытно.

— Скоро, — ответила мать и спокойно пошла дальше.

Бемби следовал за ней. Он притих, раздумывая, что может означать мамино «скоро». Поразмыслив, он пришёл к выводу, что «скоро» явно не означает «сейчас». Сложнее было понять, когда «скоро» перестаёт быть «скоро» и превращается в «нескоро».

— А кто проложил эту тропу? — неожиданно спросил он.

— Мы, — послышалось в ответ.

— Мы? Ты и я? — удивился Бемби.

— Нет, мы, олени... — уточнила мать.

— Какие такие олени? — продолжал допытываться Бемби.

— Мы все вместе, — ответила мать.

Они пошли дальше. У Бемби было прекрасное настроение. Ему, конечно, хотелось отвернуть куда-нибудь в сторону, посмотреть, что там, но он послушно бежал за матерью. Вдруг у самой земли что-то зашуршало, зашевелилось. Кто-то прошмыгнул мимо, скрытый листьями папоротников. Раздался отчаянный писк, и тут же всё стихло. Только трава ещё колыхалась немного. Это хорёк догнал мышью и тут же у тропинки принялся пожирать свою добычу.

— Что это было? — взволнованно спросил Бемби.

— Ничего особенного, — спокойным голосом ответила мать.

— Но... — Бемби весь дрожал. — Но... Я же видел.

— Просто хорёк расправился с мышью, — невозмутимо объяснила мать. — Не бойся.

Но Бемби был страшно напуган. Неведомый ужас сковал его сердце. Прошло некоторое время, прежде чем он немного пришёл в себя.

— А почему он убил мышью? — спросил он.

— Потому что... — Мать не договорила. — Пойдём-ка скорее, — сказала она вдруг, оставив его вопрос без ответа, и устремилась вперёд.

Бемби припустил за ней.

Потом они снова перешли на спокойный шаг и молча шли по тропе.

— А мы тоже убиваем мышью? — сдавленным голосом спросил наконец Бемби.

— Нет, — решительно ответила мать.

— Никогда? — допытывался Бемби.

— Никогда, — заверила мать.
— А почему? — Голос Бемби звучал уже бодрее. Он явно почувствовал облегчение.
— Потому что мы вообще никого не убиваем, — прозвучало в ответ.

Бемби весело потрусил за матерью дальше.

Вдруг откуда-то сверху донеслись визгливые крики. Мать оставила их без внимания и продолжала идти своей дорогой. Но Бемби стало интересно, и он немного сбавил шаг. Там, наверху, среди ветвей молодого ясеня,

ссорились два ястреба из-за гнезда, которое они разорили.

— Убирайся отсюда, мерзавец! — визжал один.

— Нечего верещать тут, — отвечал другой. — Не на того напал!

— Ищи себе другое гнездо, ворюга! — неистовствовал первый. — А не то получишь у меня сейчас! — Ястреб был вне себя от ярости и возмущения. — Это ж надо, такая подлость! Такая подлость!

Второй ястреб заметил Бемби, спустился пониже и рявкнул:

— Чего пялишься?! А ну проваливай отсюда!

От неожиданности Бемби вздрогнул, отскочил в сторону и бросился догонять мать. Он изрядно струхнул. Теперь он послушно бежал за матерью, надеясь, что она не заметила его короткого отсутствия.

— Мама... А что такое «подлость»? — спросил он через некоторое время.

— Не знаю, — ответила мать.

Бемби задумался.

— Почему эти двое так ссорились? — задал он очередной вопрос.

— Они ссорились из-за еды, — объяснила мать.

— А мы тоже будем ссориться из-за еды? — поинтересовался Бемби.

— Нет, — ответила мать.

— Почему? — допытывался Бемби.

— Потому что еды тут хватает на всех, — слышалось в ответ.

— Мама... — обратился к ней снова Бемби.

— Да?

— А мы будем когда-нибудь так злиться друг на друга? — задал Бемби вопрос, который явно беспокоил его.

— Нет, сынок, — ответила мать. — У нас такого не бывает.

Они продолжили свой путь. Вдруг лес перед ними расступился и всё засверкало ярким светом. Кончились кусты, кончились деревья, кончилась тропа. Открылось свободное пространство, и Бемби захотелось поскорее очутиться там. Но мать не торопилась.

— Что это такое? — спросил Бемби, сгорая от нетерпения.

— Поляна, — объяснила мать.

— А что такое «поляна»? — захотел узнать Бемби.

— Сейчас сам увидишь, — решила обойтись без подробностей мать.

Настороженно она стояла с серьёзным видом на краю леса, вытянув шею и приплюсываясь.

— Всё в порядке, — сказала она наконец. — Можем идти.

Бемби подпрыгнул, готовый уже рвануть вперёд, но мать удержала его:

— Ты останешься тут, пока я тебя не позову.

Бемби послушно замер на месте.

— Молодец, — похвалила его мать. — Запомни хорошенько, что я тебе сейчас скажу.

Бемби уловил волнение в голосе матери, и его охватила тревога.

— Выйти на поляну не так просто. Дело это трудное и опасное. Не спрашивай почему. Потом сам поймёшь. Пока же делай всё, как я тебе велю. Понял?

— Да, — сказал Бемби.

— Вот и хорошо. Я пойду вперёд. Ты останешься стоять тут и ждать. И не спускай с меня глаз. Смотри только на меня. Если ты увидишь, что я бегу назад, то разворачивайся и мчись что есть духу. Я тебя уж как-нибудь догоню. — Она замолчала, как будто задумавшись на секунду, и продолжила: — Беги, беги изо всех сил... Даже если ты увидишь, что я... Что я упала... Не обращай на меня внимания, слышишь? Что бы ты ни увидел, что бы ни услышал... Не мешкай, сразу убегай отсюда! Обещаешь?

— Да, — тихонько сказал Бемби.

— Но если я тебя позову, то можешь выходить на поляну, — продолжила мать. — Там раздолье, тебе понравится. Но только будь внимательным! По первому же моему зову ты должен быть рядом со мной! Обязательно! Слышишь?

— Да. — Голос его прозвучал ещё тише. Мать говорила так строго!

— И никаких проволочек, никаких вопросов, несись как ветер за мной! Запомни это. Как только я побегу, ты, не раздумывая, побежишь следом, без остановки, пока мы снова не окажемся в лесу! Не забудешь?

— Не забуду, — сдавленным голосом проговорил Бемби.

— Ну всё, я пошла, — сказала мать, немного успокоившись.

Она ступила на поляну. Бемби не спускал с неё глаз, следя за тем, как она медленно продвигается вперёд. Со страхом и любопытством он замер в напряжённом ожидании. Он видел, как мать поворачивает голову в разные стороны, вслушиваясь в тишину. Он видел, как она вздрогнула, и сам вздрогнул от неожиданности, готовый уже задать стрекоча. Прошла минута — и тревога рассеялась. Мать повеселела. Она повернула голову к Бемби и крикнула:

— Выходи!

Бемби тут же выскочил на опушку. Радость охватила его, и он сразу забыл обо всех страхах. Пока они находились в лесу, он видел у себя над головой только зелёные верхушки деревьев, и лишь изредка в просветах среди ветвей мелькали кусочки синего неба. Теперь же над ним раскинулся весь голубой небосвод, и он

почувствовал себя невероятно счастливым, сам не зная отчего. И солнца в лесу он тоже толком не видел — редкие лучи да золотистые танцующие блики на листьях, вот и всё. Теперь же могучее светило предстало во всей своей красе. От его ослепительного сияния захватывало дух. Бемби зажмурился от тёплого яркого света, сердце его пело. Он был в восторге и не мог сдержать своих чувств. От счастья он подпрыгнул на месте, ещё неумело, потом опять, снова и снова. Бемби не мог ничего с собой поделаться — какая-то неведомая сила напряжила его тело, закружила голову ароматом цветов, наполнила его ликованием и словно сама собой подбрасывала в воздух. Мать стояла рядом и радовалась. Она понимала состояние сына. Наблюдая за его прыжками, она догадывалась, почему он всё скачет на одном месте. Ведь за свою ещё очень короткую жизнь он привык находиться всё время в тесной чаше и пока ещё не понимал, что можно просто побегать по лужайке. Она наклонилась к Бемби, весело рассмеялась, а потом вдруг отскочила в сторону и помчалась по кругу в высокой траве. Бемби испугался и замер. Может быть, это знак, что ему нужно бежать обратно в чашу? Ведь мама говорила, чтобы он не обращал на неё внимания, если что, и сразу же мчался в лес! Только он собрался пуститься наутёк, как ему было велено, мать неожиданно вернулась, резко остановившись в двух шагах от него. Она снова вытянула к нему шею и рассмеялась.

— Поймай меня! — крикнула мать, и не успел Бемби опомниться, как она снова умчалась.

Бемби был совершенно ошарашен. Как это понимать? Что это такое с мамой приключилось? Но вот она уже